

**МЫ НИКОГДА
НЕ УМРЕМ**

Антон Загорожный

МЫ НИКОГДА НЕ УМРЕМ

Антон Загорожный

Скифия

ББК 84 (2Рос=Рус)

УДК 882

315

МЫ НИКОГДА НЕ УМРЕМ

Антон Загородный

Задорожный А.

315 Мы никогда не умрем. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия». — 456 с.

ISBN 978-5-519-68382-1

В сборник молодого петербургского писателя Антона Задорожного вошли реалистичные повести и рассказы, написанные в 2008–2019 гг. Жесткая, местами горькая, но романтическая проза. Автор поднимает острые социальные темы, говорит о реальности прямо и без прикрас. Он пишет о проблемах маленького человека, конфликте поколений, осмыслении российского прошлого и современности, природе творчества, вопросах жизни и смерти.

Произведения в книге «Мы никогда не умрем» связаны одно с другим, увлекают и завораживают, побуждая читателя задуматься, есть ли выход из замкнутого круга жизненных обстоятельств?

*В оформлении обложки использована картина
«Итоги» художника Александры Ветровой*

© Задорожный А., 2019

© Оформление. ООО «ИТД «Скифия»», 2019

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Добрый самаритянин

Памяти писателя Леонида Андреева

— В-о-о-т, залетай, крассава! — прогромыхал водитель. — Ну а чего, я же не гордый, смотрю — ты «голосуешь». Погонял масло в голове, дай, думаю, подберу. Один хрен ехать скучно, сам понимаешь. Радио надоело так, что сил нет, а тут — лишние уши.

— Спасибо вам, дорогой, только я не разговорчив, — ответил парень со сдержанной добротой и тут же испугался: а вдруг высадит?

Вместо этого водила промолчал, выкурил, сдувая пахучий дым в щель окна, сигарету, ответил без напускного пафоса:

— Молодежь щас — один понт.

— Откуда вам знать, какие мы? — спросил парень, невольно зацепившись за обвинение. Не хотелось слушать по дороге проповеди.

— Вот ты и попался! А вообще понятно: не дают жить нормально — приходится жить ненормально. В любом возрасте озвереешь по такой схеме... Куда едешь-то?

— В гости.

— В гости... — повторил водила, впервые внимательно взглянув на транзитника. — Значит, скажешь, где мне остановиться, а то я со своим Альцгеймером хуже Сусанина, да?

— Балда! — ответил в рифму попутчик, звонко рассмеявшись.

— В-о-о-т, совсем другая игра пошла. Вот это я понимаю! — похвалил спутника, молодого парня лет двадцати, дальнобойщик. Следя за дорогой, он не умолкал, и речь его казалась душной, монотонной и напористой, но все больше привлекала внимание. — Значит, тебе знакома дорога в Боровичи?

— Да, бывал там пару раз, — кивнул, жмурясь от бьющего в глаза солнца, пассажир. Дальнобойщик предложил ему надеть свои затемненные очки, но тот отказался, достав из своего рюкзака кепку, чтобы спрятаться от солнечных лучей под ее козырьком.

— Место со спокойной жизнью обеспечивается за счет промышленности — заводов понатыкали еще с тех, царских, времен. При Союзе развили, люди работают, — продолжил водитель, на-

дев в свою очередь очки. — Магазинов понаставили, а дороги там, особенно если свернуть с трассы на Окуловку, до сих пор убитые.

— Магазины магазинами, а все равно деревня, — отмахнулся парень.

— Ой, да ладно тебе. Так вот, дорога. Едешь ползком вяленый, скучаешь и нервничаешь, что теряешь время.

— Прямо уж?

— Ну а что сделать? Обочины ведь нет никакой. Плетешься на нуле почти, каждая яма как подруга родная.

— Ясно.

— Ясно ему... — с недоверием покосился водитель в сторону. — Местами покрытие становится терпимым, стелется коричневой чешуей на полкилометра, а потом снова — канава, кое-где заделанная кирпичами. Опять же, с местного завода огнеупоров. Ехать по этой яме сплошное удовольствие. Вот почему бомбилы за маршрут из Боровичей в Окуловку берут уже по три «рубля», по три тысячи.

Спутник с понимающим видом согласился, впервые сообразив, каково это — мотаться туда-сюда. Без альтернативы:

— Проехался так раз, и можешь ставить машину на прикол.

— Да. А главные приколы впереди, — ответил мужчина, переключив передачу. — Помогал я однажды другу с переездом на газельке, да так помог, что мебель при транспортировке разьебал. По такой дороге.

— Помогать еще уметь надо.

— Надо думать, кому помогать, — перебил слушателя рассказчик с непонятным пока раздражением: — Переехал, он, кстати, благополучно: новая квартира, молодая семья, да еще на комбинате повышение.

Подумав о том, что человек — везунчик, сорвавший джекпот, парень услышал продолжение:

— И едет он такой, ошастливленный, на своем Toyota Yaris, спешит домой, радуется. Дождик крапает, все по красоте.

Припоминая ландшафт, пассажир представил себя на месте счастливчика. Представил, будто бы это он возвращается из Петербурга в Боровичи под сизым предгрозовым небом на своей тачке и в хорошем расположении духа. Пускай мимо проносятся машины, редкие избушки — некоторые нежилые и разбитые, и только мрак выглядывает наружу. Посмотри по сторонам, и уви-

дишь: кто-то держит баню, и тут же — придорожное кафе. А здесь местные продают пирожки, дым коромыслом из самоваров...

Голос водителя зазвучал теперь как бы со стороны:

— Сворачивает на Окуловку, смотрит на себя в зеркало заднего вида и, улыбаясь, говорит своему отражению: — Как ты к людям, так и они к тебе. (Любимая его фраза.) Едет дальше, и уже не дождь, а гроза, мать ее...

— А дальше?

— Дальше видит: стоят у дороги двое, мокнут под ливнем, голосят, и никто возле них не останавливается, не подбирает. Честный, он сам ожидал от остальных такой же, зеркальной, я бы сказал честности, — невесело поморщился о чем-то дальнбойщик. — Верил в людей и людям, в общем-то, нравился. Меня называл пессимистом, когда я втюхивал, что не все вокруг так радужно... Короче, пожалел тех двоих в тот вечер. Сбавляет ход, включая поворотник, подъезжает. Опускает стекло, наклоняется и спрашивает: «Вам куда, мужики?» Добрый, мать его, самаритянин...

Слушатель тревожно заерзал на своем высоком потертом сиденье, в ожидании недоброго, спина его вспотела. Солнечный свет летнего дня лился теперь через окно, ложился своим теплом на щеку парня, но ему пахнуло тревожной сыростью из чужого прошлого, дверь в которое ненадолго приоткрылась. Он услышал шум дождя, пронизывающего насквозь каждой каплей.

Двигаясь следом за словами говорящего, уверенно держащего руль, он представил, как:

— Один из них растянул пакет над головой, придумал от дождя крышу. Носом хлюпает, мерзнет. — В голосе водилы теперь слышалась злость вперемешку с обидой. Очередная, недокуренная и до середины сигарета улетела за окошко, словно воспоминания, которые хочется поскорее проехать, оставив далеко позади. — Второй посерьезней, а вроде и попроще, отвечает, куда им. За спиной висит рюкзак, может, типа как у тебя, из которого торчит горлышко бутылки. Понятно, — думает друг, — как они отдыхать собрались.

— Залезайте, раз по пути, — открывает им двери, забираются, трогаются. Дождь становится тише.

— Ничего, что мы так, не задержали? — спрашивает друга тот, который уселся рядом.

— Ай, — махнул рукой водитель, держась на позитиве, — не проблема.

Проезжают очередную деревушку. Плетутся, пока дворники умывают лицо автомобильного стекла дождем.

— Да-а-а, — подает голос тот, что сел сзади. — А нам сейчас в баню, там у нас корешок свой, девочки. Айда с нами?

— Не, я домой. Еду из города, так что в другой раз. — Когда дошло, он рефлекторно бросил взгляд в зеркало заднего вида, отстегнул ремень, резко нажал на тормоз, но — поздняя метаться.

— Убили?.. — спросил парень уже не своим, повзрослевшим, металлическим голосом. Вопрос превратился в констатацию факта и не требовал пояснений. — Окей. Тогда скажи, упырей-то поймали?

— Поймали. Задушили его пакетом, обворовали и ушли, бросив в лесу вместе с машиной. Пропалились по кредиткам.

— И все из-за чего!

— Помочь хотел...

Оставшуюся часть пути ехали молча, изредка вздрагивая в такт мощным колесам фуры, проглатывающей под собой асфальт со всеми его трещинами и неровностями.

И когда парень вышел из кабины и поблагодарил водителя за помощь, он пошел куда ему надо было. Фура засопела, как больной каторжник, чихнув гарью, дернулась и, мигая поворотником, вернулась на дорогу, выровнялась и поехала дальше.

Водитель продолжал свой маршрут, молодой человек — почти завершил свой. Остаток пути он прошел вполне благополучно. Оказавшись в объятиях девушки, был рад, что добрался, но весь вечер смутно чувствовал: что-то не так.

И когда наступила ночь, она уснула, спала спокойно, крепко и счастливо, а он долго лежал, глядя на часы в комнате, вертелся во мраке и не находил ответа, почему же не проходит, все мерещится запах бензина, кофе и сигарет, всегда сопровождавший водителя в дальнобое?

24 июля 2017, Санкт-Петербург, 04:56

Прогноз погоды

Посвящается Вадиму Бурцеву

Он сидел в небольшом похожем на столовую кафе и доедал свой тосканский суп вприкуску с шавермой. Перед ним соблазнительно стояла чашка, в которой еще теплился кофе. Откусывая кусок мяса в лаваше, покрытом корочкой поджарки, он взглянул на телевизор, висящий под потолком справа: на экране показывали, как человечки играют в футбол.

Он был спокоен и доволен собой — кто понял жизнь, тот не торопится. Поправив пиджак, висящий на спинке стула, он сидел и смотрел в окно, в котором осколками желтого света бликовали лампочки витрин, подсвечивающие привлекательный ассортимент съестного.

Улица за стеклом ничуть ему не мешала, словно бы разговаривала с кем-то полупшепотом. Он мог слушать этот разговор и — это главное — не встречать в беседу: автомобили проезжали мимо почти бесшумно, чередовались без всякой закономерности с прохожими, велосипедистами, пенсионерами, хипстерами и девушками в платьях.

Некоторые заглядывали в окно кафе — как, например, эти две подружки в джинсовках, — замедлив аккуратный шаг своих странных ножек, они пытались посмотреть вовнутрь, куда-то сквозь Виктора, посоветовались и, решив найти другое место, с улыбкой продефилировали дальше.

За их спиной притормозил перед зеброй микроавтобус с детьми, отправившимися на экскурсию по городу. Любопытный школьник, прилипший щекой к стеклу, встретился с Виктором взглядом. Он помахал ему ложкой, и мальчишка расхохотался.

Блеснул изумрудом стеклянный глаз светофора — взглянул повелительно — проезжай! Автобус с детьми послушно укатил дальше, а Виктор посмотрел на уголок дома напротив — над его крышей медленно, как советский ледокол в водах Арктики, проплывало тяжелое облако. Облако не спрашивало — оно пожирало солнце, обволакивая легкую лазурь неба серым одеялом.

Допивая свой кофе, он заметил, что улица начала меняться: краски потеряли свою яркость, и даже вывески магазинов приоб-

ретали угрюмый монокромный оттенок. Перед дождем пространство кафе затемнилось, и Виктор вспомнил совсем недавнее утро: по-летнему свежее, теплое, почти безоблачное, оно как бы намекало: молодец, что приехал.

Теперь прохожие выглядели растерянными — бегали туда-сюда по лужам, спешили, сталкивались с незнакомцами локтями, как петухи в стычке с себе подобными.

Не испытывая сожаления, он смотрел, как их накрыло серым, пепельного цвета дождем и думал, глядя на белесое пятно солнечного света на таком же сером небе, что и в жизни так же — если и есть немного света, все равно будет мрачно.

Час назад, когда он зашел в кафе, посетителей в полупустом зале было мало, и ему показалось странным, что одна и та же дверь для одних служила входом, а для других выходом.

Погода переменилась, и Виктор подумал, что сильные осадки на руку общепиту — в оживленном суетой городе люди вечно торопятся, а теперь захотят скрыться от косых стрел дождя, который не выбирает, куда ему выстрелить.

В заведении случился аншлаг. Стало шумно и, потеряв интерес к тому, что творится снаружи, Виктор решил осмотреться внутри.

Вокруг, раскрывая рты, стуча столовыми приборами по тарелкам, издавали звуки, что-то обсуждая, выпивая и жуя, люди — механические, все как один — разные, они были похожи друг на друга.

В противоположном от него углу, около занавески с раковиной, сидели в обнимку парень и девушка, отупело и невыразительно уставились в экраны своих смартфонов.

За соседним столом уселась семья из Узбекистана — муж и жена, державшая на руках ребенка. Мужик уплетал плов, баба уминала шаверму, содержимое которой капало на красную пластмассу подноса, а ребенок беспорядочно крутил ручонками, но не плакал. Мама подбирала кончиками пальцев кусочки мяса и капусты и отправляла себе в рот. Отец ел со вкусом, пачкая себе подбородок.

«Даже если сейчас начнется война, ты ничего не заметишь», — подумал Виктор, обмакнув салфеткой губы. Ему стало стыдно за то уродливое, свидетелем чего он стал, и остро почувствовал, как испортилось настроение.

Без особого удовольствия — в такой-то компании! — расправившись с ланчем, посетитель решил, что ему пора. Посмотрел, едва улыгнувшись, на свой строгий чемодан — сплошь черный, с